

Советский и российский ТЭК как объекты западных санкций: политическое соперничество или экономическая конкуренция?

Ю.В. Боровский

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

С конца 1940-х гг. страны Запада регулярно используют санкции, эмбарго и иные подобные инструменты для противодействия развитию советского, а после 1991 г. российского топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Автор пытается дать ответ на два исследовательских вопроса: что провоцирует такую политику Запада: политическое соперничество или экономическая конкуренция? Изменил ли Запад своё отношение к российскому ТЭК после окончания холодной войны? Первая часть исследования охватывает годы холодной войны, вторая – посвящена периоду после распада СССР. В статье рассматриваются как общие подходы стран Запада к советскому и российскому ТЭК, так и их позиции относительно сооружения важнейших нефтегазовых магистралей: нефтепровод «Дружба», газопроводы «Союз», «Уренгой – Помары – Ужгород», «Северный поток – 1», «Северный поток – 2», другие.

В рамках исследования автор приходит к следующим выводам. Главным инспирирующим санкционных и иных ограничительных мер Запада в отношении советского и российского ТЭК неизменно являются Соединённые Штаты Америки. Стержневой мотивом подобной линии поведения служит политическое соперничество, хотя в определённые периоды (например, в 1950-1960-х гг., 2010-х гг.) США были также движимы экономической конкуренцией или желанием обеспечить интересы своих энергетических компаний.

Западноевропейские государства обычно солидаризировались с действиями США, направленными против советского или российского ТЭК. Однако в случаях, когда затрагивались их стратегические интересы (например, проекты строительства газопроводов «Уренгой – Помары – Ужгород» и «Северный поток – 2»), они были готовы в жёсткой и бескомпромиссной форме противостоять диктату Вашингтона. Это объяснялось как давлением со стороны западноевропейского бизнеса, заинтересованного в сотрудничестве с СССР или Россией в сфере энергетики, так и сильным желанием самих государств Западной Европы диверсифицировать поставки ближневосточных углеводородов и решить другие актуальные проблемы европейской энергетической безопасности, например, нивелировать транзитные риски, связанные с конфликтом на Украине.

УДК 338

Поступила в редакцию 10.01.2019 г.

Принята к публикации 11.04.2019 г.

В целом, распад СССР и окончание холодной войны кардинально не изменили политики стран Запада в отношении российского ТЭК.

Ключевые слова: энергетическая политика, нефть, газ, санкции, СССР, Россия, США, ЕС, Германия, Северный поток, Украина.

С середины XX в. советский, а впоследствии российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) неоднократно становился объектами санкций и иных ограничительных мер со стороны стран Запада*. В этой связи возникает два взаимосвязанных исследовательских вопроса. Что является причиной подобного положения дел: политическое соперничество или экономическая конкуренция? Руководствуется ли Запад в обозначенной санкционной политике теми же мотивами после окончания холодной войны, что и в её ходе. Цель настоящей статьи – получение ответов на поставленные исследовательские вопросы. В российской и мировой научной литературе исследований подобного рода не проводилось, хотя данная проблематика имеет важное практическое значение.

В преддверии основного анализа необходимо прояснить некоторые теоретические аспекты. В центре исследования находятся два термина: экономическая конкуренция (англ. *economic competition*) и политическое соперничество (англ. *political rivalry*). Экономическая конкуренция – это состязание государств, компаний и иных участников международных отношений с целью увеличения прибыли или благосостояния. В ней государства и их национальные компании часто выступают в качестве партнёров. Политическое соперничество – иное явление в международных отношениях. В него вовлечены исключительно государства или их группы, которые борются не столько за некие блага, сколько друг против друга, воспринимая международные отношения главным образом в логике игры с нулевой суммой, а экономику и её участников (включая национальные компании) – в качестве инструментов для усиления собственной мощи или ослабления противной стороны. В рамках такого подхода экономика и энергетика ассоциируются исключительно с политическим рычагом (англ. *political leverage*) государств или их экономическим оружием (англ. *economic warfare*) [2; 11].

Непоследовательная политика Запада в отношении советского ТЭК: от сотрудничества до сдерживания

Уже в 1949 г. США приняли Закон об экспортном контроле (*Export Control Act of 1949*), который, помимо прочего, ограничил экспорт американских энер-

* В работе используется классическое понимание термина «Запад» (англ. *the West*), возникшее в годы холодной войны и сохраняющее актуальность поныне. Речь идёт об идеологически гомогенной группе стран Западной Европы и Северной Америки, объединившихся вокруг США в решении общих политических, экономических и иных задач.

гетических технологий и оборудования в страны Восточного блока [20]. В том же году по инициативе Вашингтона состоялось учреждение Координационного комитета по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ; *Coordinating Committee for Multilateral Export Controls, COCOM*), в который наряду со странами НАТО вошли Япония и Австралия. КОКОМ получил статус международной организации и вплоть до 1994 г. занимался составлением списков товаров и технологий, запрещённых для экспорта в СССР и страны социалистического лагеря. Почти сразу запрет КОКОМ коснулся сферы добычи, переработки и транспортировки углеводородов, а также атомной энергетики. Идея на такие меры, США и их союзники руководствовались исключительно политикой сдерживания коммунизма или политическими мотивами. О какой бы то ни было экономической конкуренции речи тогда вообще не шло.

Решения в КОКОМ принимались консенсусом. Поэтому в 1958 г. европейские страны НАТО, чьи компании изъявили желание поставлять трубы большого диаметра для нефтепровода «Дружба», добились снятия запрета КОКОМ на экспорт такой продукции в СССР. Как следствие, в начале 1960-х гг. Советский Союз подписал серию контрактов со сталелитейными компаниями ФРГ, Италии, Великобритании и Франции. Однако Вашингтон в корне не согласился с подобным развитием событий. Он обвинил своих европейских партнёров в том, что они помогают СССР создавать военную инфраструктуру Организации Варшавского Договора, что было недопустимо в условиях холодной войны. В итоге в ноябре 1962 г. (во время Карибского кризиса) Совет НАТО, оказавшийся под мощным американским давлением, одобрил введение эмбарго на поставки Советскому Союзу труб большого диаметра (за проголосовали 13 из 15 членов). И хотя эмбарго носило рекомендательный характер, в скором времени все контракты с СССР были разорваны, что больно ударило по десяткам западноевропейских компаний и тысячам их сотрудников¹.

Выступив против «Дружбы», Вашингтон продолжил действовать в логике политики сдерживания СССР. Однако стремительный рост добычи и экспорта советской нефти, начавшийся в 1950-х гг., сильно напугал нефтедобывающие компании США, которые не могли не сообщить о своих тревогах политикам в Вашингтоне. Дело в том, что мировой нефтяной рынок был изрядно перенасыщен в 1950-1960-х гг. Появление на нём огромных объёмов сырья из СССР могло привести к настоящему кризису и разорению многочисленных производителей, в том числе американских. Причём такая перспектива была более чем реальной в свете открытия СССР крупных месторождений нефти на Урале, в Поволжье и Западной Сибири. Согласно статистике, в 1950-х гг. Советский Союз в четыре раза увеличил добычу нефти (с 37,9 до 148,0 млн т

¹ Санкции Запада против СССР. Досье // ТАСС. 2016. 10 марта. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/info/2728444#M> (дата обращения: 10.06.2019).

соответственно), в 1960-х гг. – ещё более чем в два раза (с 148,0 до 353 млн т соответственно)².

В том же году, когда был снят запрет КОКОМ на экспорт труб большого диаметра в СССР (1958 г.), директор ЦРУ Даллес проинформировал президента Эйзенхауэра о том, что Советский Союз якобы был способен опрокинуть устоявшиеся нефтяные рынки и поставить свободный мир в довольно опасную ситуацию. Несколько позже американский сенатор Китинг (*Keating*) оказался в числе тех, кто стал распространять мысль о советской энергетической угрозе в американском обществе. В 1961 г. в ходе парламентских слушаний он заявил следующее: «Хрущёв не раз угрожал похоронить нас. Теперь становится всё более очевидным, что он также хотел бы утопить нас в море нефти, если мы позволим ему это сделать» [4, с. 559].

Таким образом, можно утверждать, что на рубеже 1950-1960-х гг. США, ограничивая развитие и экспансию советского ТЭК, исходили уже не только из логики политического соперничества, но и интересов своих нефтяных компаний, то есть экономической конкуренции. Страны Западной Европы в сущности были вынуждены подчиниться воли Вашингтона, и, значит, полностью не разделяли взглядов США относительно советской нефти.

В мае 1969 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко предложил ФРГ, а позже другим странам Западной Европы новую модель сотрудничества – поставки советского газа в обмен на их трубы и нефтегазовое оборудование. Эта, по сути, бартерная схема формально не нарушала действующих запретов по линии КОКОМ и НАТО. В Бонне позитивно отнеслись к советскому предложению, и уже в феврале 1970 г. СССР и ФРГ подписали контракт по формуле «газ – трубы». Вскоре на таких же условиях стали работать не только западногерманские, но и британские, французские и итальянские компании, причём с привлечением западноевропейских банков³. Благодаря новой схеме сотрудничества в 1974-1979 гг. был построен магистральный газопровод «Союз» по маршруту «Оренбург (Поволжье) – Ужгород» (Западная Украина на границе с Чехословакией), а в начале 1980-х гг. началось сооружение первого в мире трансконтинентального газопровода «Уренгой (Западная Сибирь) – Помары – Ужгород». В итоге западноевропейские компании получили существенную прибыль, а энергопотребители Западной Европы – доступ к советскому газу, что существенно уменьшило их зависимость от ближневосточной нефти.

В 1970-х гг. и вплоть до прихода Р. Рейгана в Белый дом в 1981 г. сотрудничество СССР и стран Западной Европы по формуле «газ – трубы» не встречало заметного противодействия со стороны Вашингтона. Более того, президент

² Кушниренко К.Ф. Краткий справочник по горючему. М.: Воениздат, 1979. С. 328

³ Санкции Запада против СССР. Досье // ТАСС. 2016. 10 марта. [Электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/info/2728444#M> (дата обращения: 10.06.2019).

США Р. Никсон и его советник по национальной безопасности, впоследствии госсекретарь США Г. Киссинджер рассматривали энергетическое сотрудничество с Советским Союзом как одно из направлений политики разрядки. Данная линия была продолжена президентом Дж. Фордом и Дж. Картером. Эта временная метаморфоза была обусловлена тем, что США и их союзники, столкнувшись после октября 1973 г. с реальным дефицитом и удорожанием нефти, спровоцированными арабскими странами ОПЕК, увидели в СССР страну, которая могла не только стабилизировать мировой рынок нефти, но и снизить критическую значимость нефтяного картеля. Сегодня трудно представить, что в июне 1973 г. Л.И. Брежнев и Р. Никсон обсуждали в Вашингтоне проекты по снабжению США советским сжиженным природным газом (СПГ) из Западной и Восточной Сибири. Таким образом Вашингтон хотел решить проблему дефицита газа и нефти на американском рынке. Несмотря на готовность Администрации Никсона субсидировать транспортировку советского СПГ, непреодолимым препятствием оказалась его высокая стоимость [7, с. 100].

Рональд Рейган и его команда, пришедшие к власти в США в 1981 г., решили вернуться к политике активного сдерживания Советского Союза, в том числе в энергетической сфере. Отчасти это объяснялось периодом растущего избытка нефти на мировом рынке, начавшимся в начале 1980-х гг. В центре внимания Белого дома сразу оказалось успешное сотрудничество СССР и западноевропейских стран по формуле «газ – трубы». Мнения людей в окружении Рейгана разделились. Сторонники жёсткой линии (министр обороны К. Уайнбергер, советник президента по национальной безопасности У. Кларк, директор ЦРУ У. Кейси, др.) настаивали на блокировке данных связей, поскольку они не только финансово обогащали СССР, но и усиливали опасную для США экономическую взаимозависимость Советского Союза и европейских государств. «Вашингтонские ястребы» выступали против того, чтобы западные страны выделяли льготные кредиты СССР для реализации его газовых проектов. К примеру, в июле 1980 г. Берлин согласился предоставить Москве 4,75 млрд долл. для строительства газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» (чуть меньше половины от всех инвестиций в проект). Более умеренное крыло (госсекретарь А. Хейг, экономический блок) считало, что введение Вашингтоном ограничительных мер в отношении взаимовыгодного сотрудничества СССР и стран Западной Европы в газовой сфере спровоцирует серьёзный конфликт в западном мире. Причём западноевропейские государства, как полагал А. Хейг, не подчинятся США. Указывалось также на то, что советские газопроводы, идущие в Европу, существенно диверсифицировали мировое энергоснабжение и подрывали монополию ОПЕК, что в немалой степени отвечало американским интересам [17; 19].

Введение военного положения в Польше (13 декабря 1981 г.) склонило чашу весов в пользу сторонников жёсткой линии и фактически развязало руки Р. Рейгану, который в силу своих идеологических пристрастий всегда был готов предпринимать шаги, направленные на подрыв позиций

СССР⁴. Пакет санкционных мер был обнародован уже 29 декабря 1981 г. и формально увязан с причастностью СССР к недемократическим событиям в Польше. Американским компаниям было строго-настрого запрещено поставлять в СССР нефтегазовое оборудование для строительства газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород». Поскольку европейские члены НАТО не захотели солидаризироваться с США, в июне 1982 г. Вашингтон решил ужесточить санкции, распространив их действия на нефтегазовую продукцию, производимую зарубежными филиалами американских компаний и иностранными компаниями по американским лицензиям. Именно это решение затронуло интересы западноевропейских компаний, спровоцировав настоящий кризис в трансатлантических отношениях. Об этом, в частности, свидетельствовал острый обмен мнениями в ходе версальского саммита «Группы семи» (июнь 1982 г.).

В июле – августе 1982 г. правительства ФРГ, Франции, Великобритании и Италии объявили американские санкции незаконными и рекомендовали своим производителям работать в прежнем режиме, что они и сделали, продолжив поставлять в СССР нефтегазовое оборудование. Вашингтон отреагировал незамедлительно, введя против них санкции, что ещё больше обострило конфликт. Только в ноябре 1982 г. Р. Рейган, проведя очередные, весьма сложные переговоры с руководителями западноевропейских государств, полностью снял запрет, в том числе в отношении американских компаний.

Таким образом, США так и не удалось убедить своих европейских союзников в том, что, сотрудничая с СССР в газовой сфере, они не только укрепляют идейного врага, но и подрывают свою энергетическую безопасность. В Вашингтоне явно недооценивали тот факт, что западноевропейские государства видели в СССР не только важного экономического партнёра, но и страну, способную нивелировать их уязвимость, связанную с поставками ближневосточной нефти⁵. В итоге строительство газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» завершилось в 1984 г., а по диктату США в западном мире был нанесён ощутимый удар.

Тем не менее, уже в ноябре 1982 г. Р. Рейган подписал секретную директиву *NSDD-66 (National Security Decision Directive)*, призванную не только компенсировать американские уступки западноевропейским партнёрам, но и вывести фактическую войну Запада с советской экономикой и энергетикой на новый уровень. Директива была разработана Роджером Робинсоном, курировавшим международные экономические отношения в Совете национальной безопасности США, при участии У. Кларка и У. Кейси. Следуя *NSDD-66*, США должны были побуждать союзников: отказаться от импорта советского газа, в том числе за счёт поиска альтернативных источников энергии; прекратить продажу СССР энергетических технологий; поднять процентные ставки по кредитам, выделяемым Советскому Союзу. В январе 1983 г. Р. Рейган утвердил директиву *NSDD-*

⁴ Ballsept G. The case against sanction // New York Times. 1982. 12 September.

⁵ Ibid.

75, которая, помимо прочего, уточняла и усиливала положения NSDD-66 [10, с. 106-107]. Более того, в конце 1985 г. Саудовская Аравия неожиданно для многих буквально затопила мировой рынок своей нефтью, опустив до минимума её стоимость. Этот демарш крайне болезненно сказался не только на энергетике, но и экономике СССР. По некоторым оценкам, именно США и лично директор ЦРУ У. Кейси убедили Эр-Рияд пойти на этот шаг [3].

Оценивая политику Рейгана в отношении советской энергетики, можно утверждать, что главным, а скорее единственным её мотивом было политическое соперничество с СССР. В 1975 г. в США был введён запрет на экспорт нефти, а в 1980-х гг. зависимость страны от импортных углеводородов только увеличивалась. В таких условиях Вашингтон вряд ли пытался конкурировать с СССР за европейские или иные нефтегазовые рынки. Упомянутый обвал мировых цен на нефть, начавшийся в конце 1985 г., болезненно ударил не только по Советскому Союзу, но и американской нефтяной индустрии, фактически поставив её на грань полного разорения [4]. Однако Рейган, видимо, был готов идти на любые жертвы ради главной цели – низложения СССР.

Итак, на протяжении большей части холодной войны, за исключением непродолжительного периода во время разрядки (1973-1980 гг.), США пытались всячески ограничить развитие советского ТЭК, руководствуясь главным образом политическими целями. Для этого они (самостоятельно или с привлечением союзников) использовали механизмы санкций, эмбарго и психологически-вербального давления. Действуя таким образом, Соединённые Штаты сначала рассчитывали сдержать, а при Р. Рейгане низложить Советский Союз, считая ТЭК главной опорой «советского режима». В 1950-1960-х гг. Вашингтон также рассматривал СССР в качестве нежелательного конкурента американским нефтяным компаниям, однако и в этот период политическое соперничество с Советским Союзом оставалось американским приоритетом.

В 1945-1991 гг. европейские союзники США никогда не были инициаторами санкционных и прочих мер Запада, направленных против советского ТЭК, и только к ним присоединялись, нередко под жёстким американским давлением. Вместе с тем проект строительства трансконтинентального газопровода «Уренгой – Помары – Ужгород» показал, что ведущие западноевропейские государства, включая ФРГ и Францию, не всегда готовы солидаризироваться с США в их политической борьбе с СССР. Не поддавшись американскому диктату, они отказались прекращать сотрудничество с СССР в газовой сфере, поскольку оно было им экономически выгодно и способствовало укреплению европейской энергетической безопасности.

Противоречивая линия Запада в отношении российского ТЭК

С момента распада СССР и вплоть до 2014 г., отмеченного началом драматических событий на Украине, страны Запада не применяли санкции и иные

ограничительные меры в отношении российского ТЭК. Напротив, в указанный период они постоянно упрекали руководство РФ (особенно после прихода к власти В.В. Путина) в том, что оно проводит политику так называемого «ресурсного национализма»: сохраняет чрезмерный контроль государства над национальной энергетикой и не разрешает иностранному (прежде всего западному) капиталу полноценно осваивать нефтегазовые залежи страны [8; 9]. Например, в 2003 г. американские *Chevron* и *ExxonMobil* намеривались приобрести контрольный пакет акций ЮКСИ, крупнейшей в то время российской нефтяной компании (продукт слияния ЮКОСа и «Сибнефти»). Однако так называемое «дело ЮКОСа», инициированное российскими властями в июне 2003 г., не позволило этому случиться, что дало повод США обвинить Россию не только в нарушении прав человека, но и опять-таки в «ресурсном национализме» [21].

В апреле 2007 г. правительство РФ, сославшись на экологические проблемы, лишило *Royal Dutch Shell* полномочий оператора нефтегазового проекта «Сахалин – 2» и передало их «Газпрому». В результате доля британо-нидерландской корпорации в проекте сократилась с 55% до 27,5%, а «Газпром» стал обладателем контрольного пакета акции (50% +1 акция). В марте 2011 г. «Газпром» получил контроль над одним из крупнейших газовых месторождений России – Ковыктинским (Иркутская область). Ранее его основным собственником была компания *ТНК-ВР*, принадлежавшая на паритетных началах российской *ТНК* и британской *ВР*. Эти и некоторые другие подобные события крайне негативно воспринимались на Западе [5; 8].

Таким образом, в 1991-2014 гг. США и их союзники не только не сдерживали развитие российского ТЭК, а, напротив, всячески лоббировали интересы своих компаний, которые буквально боролись за энергетические активы и проекты на территории РФ, предлагая свои инвестиции и новейшие технологии. Наглядный пример – стратегическое сотрудничество «Роснефти» и *ExxonMobil* как в рамках проекта «Сахалин – 1», так и на российском арктическом шельфе, где во многом благодаря инвестициям и технологиям американской корпорации в 2014 г. было открыто крупное месторождение нефти, получившее название «Победа».

Справедливости ради следует отметить, что «ресурсный национализм» был не единственным камнем преткновения в энергетических отношениях России и Запада в период до госпереворота на Украине. Стороны часто по-разному смотрели на реализацию нефтегазоэкспортных проектов в евразийском регионе. Например, несмотря на все усилия Кремля, США и их западноевропейские партнёры так и не позволили России стать основным транзитёром азербайджанских углеводородов, добываемых на каспийском шельфе. Для их транспортировки были созданы нефтепровод «Баку – Тбилиси – Джейхан» (2006 г.), а также Южно-Кавказский («Баку – Тбилиси – Эрзерум», 2007 г.) и Трансанатолийский (*TANAP*, 2018 г.)* газопроводы. С немалыми трудностями столкнулся и проект «Южный

* Реализация проекта *TANAP* началась в ноябре 2011 г.

поток» с участием «Газпрома» и целого ряда европейских компаний. Из-за умышленно неконструктивной позиции Европейской комиссии и Болгарии проект был снят с реализации в декабре 2014 г. и трансформирован в «Турецкий поток» [14].

В мае 2006 г. вице-президент США Р. Чейни, пребывая на конференции восточноевропейских лидеров в Вильнюсе, обвинил Россию в использовании энергетических ресурсов во внешнеполитических целях и пообещал, что Соединённые Штаты будут всячески этому противодействовать [5]. Высокопоставленный американский чиновник имел тогда в виду первый российско-украинский газовый конфликт, случившийся на рубеже 2005-2006 гг., в котором Вашингтон полностью встал на сторону Киева. Данный демарш США ставит один немаловажный вопрос: возвращаются ли США к политике сдерживания российского ТЭК в 2006 г.? Если да, то чем они мотивировали свои действия: политическим соперничеством или экономической конкуренцией? Конечно, эмбарго и санкций тогда не последовало. Однако в западных СМИ против России была развёрнута беспрецедентная по масштабу информационная кампания, в рамках которой «Газпром» был впервые и совершенно незаслуженно представлен как ненадёжный, политически мотивированный поставщик газа. В результате произошла секьюритизация энергоснабжения ЕС. Иначе говоря, Россия превратилась в главную угрозу энергетической безопасности Европейского союза, а преодоление высокой зависимости от российского газа (и других энергоносителей) с тех пор стало ключевой задачей ЕС [13].

Дискредитировав «Газпром» в 2006 г., США вряд ли преследовали свои экономические интересы. Лишь в конце 2000-х гг. стало очевидно, что так называемая «сланцевая революция» способна превратить Соединённые Штаты в крупного нефтегазового экспортёра. Даже для высшего руководства страны это стало полной неожиданностью. Кроме этого, в середине 2000-х гг. мир всерьёз сталкивался с угрозой дефицита нефти, что от месяца к месяцу толкало нефтяные котировки к их историческим максимумам. В таких условиях США, импортировавшие тогда примерно две трети потребляемой нефти, были совсем не заинтересованы в ограничении экспорта российских углеводородов. Вероятнее всего, в 2006 г. Вашингтон решал конкретную геополитическую задачу. Он пытался сорвать строительство Северо-Европейского газопровода (СЕГ, впоследствии «Северный поток – 1»), поскольку СЕГ существенно сокращал роль Украины как транзитёра российского газа в Европу и, следовательно, лишал антироссийскую «оранжевую коалицию» в Киеве жизненно важных доходов. В подтверждение сказанному следует напомнить, что в сентябре 2005 г. «Газпром», немецкие *BASF* и *E.ON* подписали соглашение об условиях реализации проекта строительства СЕГ, а в декабре того же года было создано совместное российско-германское предприятие *North European Gas Pipeline Company*, позже переименованное в *Nord Stream*.

Таким образом, можно утверждать, что в 2006 г. Вашингтон пока ещё не вернулся к политике сдерживания российского ТЭК в логике холодной во-

йны, а решал конкретную геополитическую задачу, связанную с газотранзитным статусом Украины. В аналогичном ключе следует рассматривать второй российско-украинский газовый конфликт, случившийся на рубеже 2008-2009 гг. и вызвавший не меньший международный резонанс. В то время «Северный поток – 1» выходил на завершающую стадию (строительство началось в апреле 2010 г.), и Вашингтон тщетно пытался создать условия, при которых западноевропейские страны сочли бы невозможным своё участие в проекте. В итоге газопровод «Северный поток – 1» был построен, однако имидж России как надёжного поставщика энергоносителей был серьёзно подорван. Например, весьма показательным является то, что профессор Сильва из лиссабонского Высшего технического института доказывает в своём исследовании, что в 2006 и 2009 гг. Россия использовала энергетику в качестве «геополитического оружия». При этом автор даже не допускает иную интерпретацию двух российско-украинских газовых конфликтов [12].

Политический кризис на Украине, начавшийся в феврале 2014 г., фактически вернул времена холодной войны. Обвинив Россию в аннексии Крыма и поддержке сепаратистов на Донбассе, страны Запада во главе с США прибегли к санкциям, желая с их помощью повлиять на российскую политику в отношении соседней страны. Если сначала санкции касались отдельных граждан РФ, то впоследствии они затронули целые отрасли российской экономики, включая ТЭК. Так, в апреле 2014 г. Министерство энергетики США заявило о приостановке сотрудничества с «Росатомом». В том же месяце в американский санкционный список попала компания «Черноморнефтегаз», работавшая в Крыму. В мае 2014 г. на «Черноморнефтегаз», а также «Феодосийскую нефтебазу» наложил свои санкции Европейский союз.

В июле – сентябре 2014 г. США и ЕС пошли ещё дальше и ввели так называемые секторальные санкции в отношении ведущих финансовых, оборонных и энергетических предприятий РФ. В «энергетический санкционный список» попали «Роснефть», «Газпром», «Газпром нефть», «НОВАТЭК», «ЛУКОЙЛ», «Сургутнефтегаз», «Транснефть». Перечисленные компании были лишены доступа к долгосрочному финансированию в западных банках, а на торговлю их ценными бумагами сроком обращения свыше 30 дней накладывались ограничения. Вводился также запрет на экспорт в Россию оборудования, технологий и услуг, связанных с добычей углеводородов на глубоководных морских участках, арктическом шельфе и в сланцевых породах. В декабре 2014 г. ЕС ограничил экспорт товаров и технологий, необходимых для разведки и добычи углеводородов в Крыму. В июле 2015 г. США распространили уже действующий санкционный режим на дочерние структуры «Роснефти», а в августе – на Южно-Кириновское газоконденсатное месторождение «Газпрома» в Охотском море [6].

Таким образом, события на Украине дали США и их союзникам повод ввести санкции против России и непосредственно её топливно-энергетического комплекса. Политическая мотивировка данных действий, конечно же, была

здесь определяющей. Российский ТЭК всегда воспринимался на Западе в качестве главного источника геополитической мощи России и залога её стабильного социально-экономического развития. Тем не менее, нельзя не учитывать, что к 2014-2015 гг. так называемая «сланцевая революция» создала возможности для экспорта существенных объемов американских углеводородов. Неслучайно, что уже в декабре 2015 г. президент Б. Обама снял 40-летний запрет на экспорт нефти из США, а в 2012-2015 гг. он же одобрил строительство целого ряда терминалов по экспорту американского СПГ (*Sabine Pass LNG* и *Cameron LNG* в штате Луизиана; *Cove Point LNG* в штате Мэриленд; *Freeport LNG* в штате Техас) совокупной мощностью свыше 70 млрд кубометров в год. В этом смысле западные санкции, введённые против российского ТЭК в ответ на украинский кризис и подрывающие его стабильную работу, были выгодны американским нефтегазовым компаниям, заинтересованным не только в стабильных рынках сбыта, но и более высоких мировых ценах на углеводороды.

Когда в декабре 2014 г. мировые цены на нефть достигли трёхлетнего минимума (60 долл. за баррель), сократившись вдвое всего за шесть месяцев, международные спекуляции о возможном сговоре Вашингтона и Эр-Рияда против Москвы только усилились. Как пишет видный американский учёный Карлос Паскуаль, многие эксперты тогда допускали, что США и Саудовская Аравия затопили мировой рынок своей нефтью, что обрушило её стоимость и поставило российскую экономику в трудное положение. Сам К. Паскуаль не исключил подобного сценария [16]. Весьма показательна и точка зрения Филиппа Верлегера, высказанная им спустя два дня после референдума о статусе Крыма (16 марта 2014 г.). Американский профессор, руководивший департаментом энергетической политики в Казначействе США при президенте Картере, предложил американским властям использовать стратегические нефтяные резервы для снижения мировых цен и наказания России за «аннексию Крыма»⁶. Эти и другие аналогичные суждения указывают на то, что в 2014 г. Соединённые Штаты Америки совместно с другими странами вполне могли спровоцировать обвальное падение мировых цен на нефть с тем, чтобы нанести серьёзный экономический ущерб России и принудить её к определённым геополитическим уступкам [3].

В июне 2015 г. «Газпром» и ряд ведущих европейских компаний инициировали проект «Северный поток – 2», призванный (по аналогии с «Северным потоком – 1») обеспечить Германию и ЕС прямыми поставками природного газа из России. Незамедлительно заявив, что данный проект противоречит интересам Украины и Европы, США впредь стали активно противодействовать его реализации, солидаризировавшись с целым рядом европейских стран (прежде всего Польшей, Данией, прибалтийскими государствами), а также в определённой степени с Европейской комиссией, которая за счёт поправок к Газовой

⁶ Verleger P. World oil price could drop \$10-\$12 per barrel // Financial Times. 2014. 18 March. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ft.com/content/35d6ae10-ab9a-11e3-90af-00144feab7de> (дата обращения: 10.06.2019).

директиве 2009 г. предложила распространить нормы Третьего энергетического пакета на морские газопроводы, идущие в ЕС, то есть на «Северный поток – 2». По мнению Брюсселя, «Газпром», как производитель газа, должен отказаться от владения «Северным потоком – 2», а альтернативные поставщики газа должны получить доступ к 50% мощностей магистрали.

В итоге, «Северный поток – 2» расколол западных союзников на два лагеря. Одни, прежде всего в лице немецкого и австрийского правительств, стали настаивать на экономической или коммерческой природе проекта, другие, объединившиеся вокруг США, утверждать, что Россия за счёт «Северного потока – 2» вознамерилась добиться сугубо политических целей. Во-первых, нанести экономический вред и политически ослабить Украину и Польшу – газотранзитные страны, выступающие в роли ведущих критиков Кремля. Во-вторых, сославшись на «Северный поток – 2», усилить своё военное присутствие в Балтийском регионе. В-третьих, за счёт более дешёвого газа «Северного потока – 2» ещё больше увеличить свою долю на европейском газовом рынке (37% в 2018 г.)⁷ и, как следствие, поставить ЕС в критическую от себя энергетическую и политическую зависимость, а также подорвать конкурентоспособность всего энергетического рынка ЕС. В-четвёртых, используя «Северный поток – 2», перессорить союзников по НАТО и вбить клин между Европой и Америкой⁸.

Американская обструкция «Северного потока – 2» выразилась как в многочисленных вербальных атаках, так и в конкретных законодательных инициативах. Так, в августе 2017 г. президент США Д. Трамп подписал закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA), одобренный обеими палатами Конгресса США. В законе прямым текстом говорилось, что Соединённые Штаты и «впредь будут препятствовать сооружению газопровода “Северный поток – 2”, учитывая его вредоносное влияние на энергетическую безопасность ЕС, развитие газового рынка Центральной и Восточной Европы, энергетические реформы на Украине»⁹. Закон наделял американского президента полномочиями вводить санкции в отношении лиц и компаний, инвестирующих значительные средства в строительство российских экспортных нефте- и газопроводов или предоставляющих материалы, информацию и услуги для их сооружения. Как это ни странно, но тот же закон прямо призывал правительство США всячески продвигать экспорт американских энергоресурсов в целях увеличения занятости в США, укрепления энергетической безопасности американских союзников, а также усиления внешней политики США.

⁷ Sondland G. Reliance on Russian gas has big risks for Europe. 2019. 12 March. URL: <https://www.ft.com/content/4cfd4b1e-43eb-11e9-b83b-0c525dad548f> (accessed: 12.06.2019).

⁸ The Nord Stream 2 gas pipeline is a Russian trap // The Economist. 2019. 16 February. URL: <https://www.economist.com/leaders/2019/02/16/the-nord-stream-2-gas-pipeline-is-a-russian-trap> (accessed: 12.06.2019).

⁹ H.R. 3364 – Countering America's Adversaries Through Sanctions Act, Signed into law by President Donald Trump on August 2, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/legislation/hr-3364-countering-americas-adversaries-through-sanctions-act> (accessed: 12.06.2019).

Впоследствии администрация американского президента неоднократно грозилась ввести санкции как против самого проекта «Северный поток – 2», так и непосредственно компаний и лиц, участвующих в его реализации и финансировании, ссылаясь на СААТСа. Тем не менее, учитывая позицию некоторых ключевых европейских союзников, прежде всего Германии, Вашингтон со временем несколько смягчил свою позицию. Так, в сентябре 2018 г. Д. Трамп неожиданно заявил об отсутствии у США планов вводить санкции против компаний, задействованных в «Северном потоке – 2», хотя в очередной раз раскритиковал этот проект. По мнению американского президента, он в корне противоречил интересам немцев и европейцев¹⁰. Тогда же министр энергетики США Р. Перри отметил, что «Северный поток – 2» может попасть под американские санкции только в случае отказа России от транзита газа через территорию Украины¹¹. Подобная метаморфоза отчасти стала результатом компромисса Вашингтона и Берлина: Германия согласилась построить на своей территории терминал по приему СПГ из США и тем самым диверсифицировать поставки газа из России¹². В итоге, в апреле 2019 г. госсекретарь США М. Помпео, выступая в Конгрессе, заявил, что Соединённые Штаты сделали практически всё возможное, чтобы убедить европейцев, в первую очередь Германию, не строить «Северный поток – 2, но не смогли добиться успеха»¹³.

Из вышесказанного следует, что в «Северном потоке – 2» тесно переплелись политические и экономические интересы США. С одной стороны, Вашингтон мешал реализации проекта, руководствуясь своими традиционными геополитическими задачами, а именно необходимостью препятствовать укреплению энергетических связей ЕС и России, а также росту экономического благосостояния последней. Параллельно он хотел сохранить у проамериканских властей в Киеве доходы от транзита российского газа (примерно 2-3 млрд долл. в год), без которых украинскую экономику, наверняка, ждал бы коллапс, а значит очередной крах идеи З. Бжезинского навсегда разделить Украину и Россию, закрепив за последней статус сугубо региональной державы [1]. С другой стороны, налицо было желание президента Д. Трампа и его администрации продавить интересы американских экспортеров СПГ в Европе. Собственно обещание Берлина построить терминал по приему американского сжиженного природного газа в Германии во многом смягчило противодействие США реализации «Северного потока – 2». В определённом смысле геополитика была принесена в жертву

¹⁰ Трамп заявил об отсутствии планов вводить санкции за «Северный поток-2» // РБК. 2018. 18 сентября. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/09/2018/5ba158b59a794782603a5e5a> (дата обращения: 12.06.2019).

¹¹ Р. Перри: США выступают против Северного потока – 2. Но СПГ здесь ни при чем // Neftegaz.ru. 2018. 17 сентября. [Электронный ресурс] URL: <https://neftgaz.ru/news/view/175112-R.-Perri-SShA-vystupayut-protiv-Severnogo-potoka-2.-No-SPG-zdes-ni-pri-chem> (дата обращения: 12.06.2019).

¹² Давыдов Д. Германия назвала свой СПГ-терминал «жестом американским друзьям» // ТЭКНОБЛОГ. 2018. 19 сентября. [Электронный ресурс] URL: <https://teknoblog.ru/2018/09/19/92971> (дата обращения: 12.06.2019).

¹³ Помпео: США не убедили Европу отказаться от «Северного потока-2» // RT. 2019. 10 апреля. [Электронный ресурс] URL: <https://russian.rt.com/world/news/620094-pompeo-stroitelstvo-severnyi-potok> (дата обращения: 12.06.2019).

экономической выгоде. Причём речь шла не только о потенциальной прибыли американских экспортёров газа, но и фактическом принуждении Германии покупать более дорогой американский СПГ в ущерб конкурентоспособности её экономики [13; 14]. Здесь немаловажно вспомнить об огромном дефиците торгового баланса США (621 млрд долл. в 2018 г., данные Министерства торговли США), причиной которого были главным образом три страны: КНР, Япония и Германия.

Как и в случае с газопроводом «Уренгой – Помары – Ужгород», Германия, Австрия, Франция и ряд других европейских стран заняли непреклонную позицию по проекту «Северный поток – 2». Доводы Вашингтона и его европейских единомышленников, увязанные с заботой о политической и экономической стабильности Украины и Польши; необходимостью ЕС диверсифицировать источники газового импорта и создавать конкурентоспособный европейский энергетический рынок; политической ненадёжностью России как поставщика энергоносителей и к тому же якобы вознамерившейся усилить своё военное присутствие в Балтийском море и перессорить западных союзников, они сочли недостаточно убедительными на фоне явных экономических и политических выгод проекта. Природный газ, транспортируемый по «Северному потоку», попадает в Германию напрямую, что не только снижает транзитные издержки, но и полностью нивелирует политические риски, связанные с нестабильной Украиной. Более того, как и в случае с газопроводом «Уренгой – Помары – Ужгород», западноевропейские компании выступили в роли ключевых подрядчиков в сооружении «Северного потока – 2». Примечательно, например, что в феврале 2019 г. А. Крамп-Карренбауэр, преемница А. Меркель и политик, довольно жёстко критикующий внешнюю политику России, назвала «Северный поток – 2» экономическим проектом, который нельзя просто так отменить. По мнению нового председателя Христианско-демократического союза (ХДС), применительно к «Северному потоку – 2» американцы преследуют свои экономические интересы, но у Германии они тоже есть. Наилучший выход – балансировка интересов всех вовлеченных сторон. Строительство Германией терминала для приёма американского СПГ, способного несколько диверсифицировать поставки российского газа, является наглядным проявлением такого подхода, считает А. Крамп-Карренбауэр [18].

Осенью 2018 г. Д. Трамп обрушился с критикой на ОПЕК, обвинив организацию в «необоснованном завышении цен на нефть и обворовывании остального мира». Апеллируя к арабским членам организации, американский президент напомнил им, что их безопасность по-прежнему зависит от США, и поэтому им необходимо незамедлительно снизить нефтяные цены¹⁴. Действительно, в сентябре 2018 г. мировые цены на нефть перешагнули рубеж в 80 долларов за

¹⁴ Евдокимова А. Трамп призвал к изменению в работе ОПЕК// ТРК ВС РФ «Звезда». 2018. 25 сентября. [Электронный ресурс] URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201809251945-gco5.htm (дата обращения: 12.06.2019).

баррель (марка Brent), достигнув четырёхлетнего максимума. Причиной тому стали новые антииранские санкции США, введённые в мае 2018 г. после выхода Вашингтона из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД), касающегося ограничения ядерных разработок Тегерана. По решению Белого дома весь импорт иранской нефти подлежал запрету с ноября 2018 г., а это примерно 2,5-3 млн баррелей в сутки.

Борясь с любыми попытками обойти антииранские санкции, в том числе предпринимаемыми ЕС, РФ и КНР, Вашингтон оказался в ситуации, когда ему самому фактически нужно было изыскивать поставщиков, способных компенсировать иранскую нефть. В противном случае мир и американские потребители, в частности, могли столкнуться с чрезмерным удорожанием нефти, что в преддверии выборов в Конгресс, намеченных на ноябрь 2018 г., было явно нежелательно для Администрации Трампа и Республиканской партии. В таком контексте осенью 2018 г. США вполне могли увидеть в России временного союзника, то есть страну, способную сыграть важную роль в балансировке мирового нефтяного рынка в условиях ухода с него иранской нефти. На это, в частности, указывает встреча министров энергетики России и США, состоявшаяся 13 сентября 2018 г. и посвященная именно стабильности международных энергетических рынков.

Таким образом, после распада СССР страны Запада проводят весьма противоречивую политику в отношении российского ТЭК. До 2014 г. они всячески содействовали его модернизации и поступательному развитию. Связано это было с тем, что государства Западной Европы, а также США до свершения «сланцевой революции» были сильно заинтересованы в стабильной работе российской нефтегазовой индустрии, невзирая даже на остающиеся геополитические и идеологические противоречия. Разногласия возникали у сторон главным образом из-за выбора маршрутов транспортировки российских и каспийских углеводородов, но и они не приобретали критического характера. Тем не менее, после госпереворота на Украине ситуация в корне изменилась. Страны Запада вновь встали на путь сдерживания российского ТЭК, введя многочисленные запреты в сфере экспорта технологий и инвестиций, а также финансирования. При этом Вашингтон выступил в роли главного инициатора санкционных мер в отношении энергетики России. Объяснений тому может быть несколько.

Во-первых, благодаря «сланцевой революции» США стали гораздо меньше зависеть от импорта углеводородов, а их нефтегазовые компании превратились в конкурентов российских на европейском и других рынках. Во-вторых, по сугубо геополитическим соображениям Вашингтон был заинтересован в том, чтобы Украина сохранила роль основного транзитёра российского газа в Европу. Поэтому он стал создавать условия, при которых ведущие западноевропейские государства не должны были поддерживать проекты строительства газопроводов, идущих из России в Европу в обход украинской территории. Однако последние, поддержав общую санкционную линию Запада в отношении российского ТЭК,

отказались саботировать «Северный поток – 2», поскольку он не только нивелировал транзитные риски, связанные с Украиной, но и был выгоден им по чисто экономическим причинам. В определенном смысле эта ситуация была схожа с той, что возникла вокруг проекта «Уренгой – Помары – Ужгород» в годы холодной войны.

Отвечая на поставленные исследовательские вопросы, можно утверждать следующее. Как в годы холодной войны, так и по её окончании главным инспириатором санкционной политики в отношении советского, впоследствии российского ТЭК являются Соединённые Штаты Америки. Стержневым мотивом подобной линии поведения служит политическое соперничество, хотя в определённые периоды (как, например, в 1950-1960-х гг., 2010-х гг.) США могут быть также движимы экономической конкуренцией или желанием обеспечить интересы своих энергетических компаний. Однако политика, как правило, превагирует над экономикой.

В 1973-1980-х гг., а также в 1991-2014 гг. США временно не проводили политику активного сдерживания советского или российского ТЭК. Связано это было как с разрядкой или относительно пониженным политическим соперничеством Москвы и Вашингтона, так и конъюнктурной заинтересованностью последнего в стабильной работе нефтегазовой индустрии СССР или России. Осенью 2018 г., когда российско-американские политические отношения фактически находились в кризисе, США, тем не менее, могли видеть в России временного союзника или страну, способную сыграть важную роль в балансировке мирового нефтяного рынка в американских интересах.

Поскольку страны Западной Европы гораздо в большей степени (в сравнении с США) зависят от поставок российских (в прошлом советских) энергоносителей, они никогда не выступали в роли инициаторов санкционных и иных ограничительных мер в отношении советского или российского ТЭК. Более того, они часто видели в СССР и России естественного партнёра как в экономической, так и энергетической области. В тех случаях, когда энергетическое сотрудничество с Советским Союзом или Россией затрагивало стратегические интересы стран Западной Европы (например, проекты строительства газопроводов «Уренгой – Помары – Ужгород» и «Северный поток – 2»), они были готовы жёстко противостоять диктату Вашингтона. Таким образом, можно полагать, что западноевропейские государства в большей мере следуют в фарватере американской политики, нежели видят в России (в прошлом СССР) политического соперника или экономического конкурента в энергетической сфере.

В целом, после 1991 г. страны Запада во главе США продолжают мыслить категориями холодной войны. За счёт санкций и других ограничительных мер в отношении российского ТЭК они хотят ограничить геополитическую мощь России и принудить её к определённым действиям.

Бесспорно, проблематика санкций и других ограничительных мер Запада в отношении советского и российского ТЭК находит отражение в ряде зару-

бежных и российских исследований, особенно последнего времени, что вызвано обострившимися противоречиями России и её западных партнёров из-за Украины и проекта «Северный поток – 2». Однако существуют определённые нюансы. Во-первых, авторы не ставят перед собой цель выявить политическую или экономическую природу разногласий СССР/России и Запада в энергетической сфере. Во-вторых, их исследования не направлены на сравнение эпохи холодной войны и современности. В определённом смысле настоящая статья и её выводы могут открыть дискуссию на указанном направлении.

Список литературы:

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2018. 384 с.
2. Боровский Ю.В. Международное соперничество: теоретические и лингвистические аспекты // Международные отношения. 2018. № 3. С. 65–72.
3. Боровский Ю.В. Ценовые войны на мировом рынке нефти // Международные процессы. Журнал мировой политики и международных отношений. 2017. №1 (48). С. 176–185.
4. Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблшер, 2018. 956 с.
5. Саква Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты // Неприкосновенный запас. 2010. №6 (74). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (дата обращения: 12.06.2019).
6. Сидорова Е. Энергетика России под санкциями Запада // Международные процессы. Журнал мировой политики и международных отношений. 2016. №1 (44). С. 143–155.
7. Adelman M. *Genie out of the Bottle: World Oil since 1970*. Cambridge: MIT Press, 2008. 376 p.
8. Bradshaw M. *The Kremlin, National Champions and the International Oil Companies: The Political Economy of the Russian Oil and Gas Industry // Geopolitics of Energy*. 2009. No. 5 (Vol. 31). 14 p.
9. Bremmer I., Johnston R. *The Rise and Fall of Resource Nationalism // Survival: Global Politics and Strategy*. 2009. Vol. 51. Pp. 149–158
10. Cooper P.J., Vargas C.M. *Sustainable Development in Crisis Conditions: Challenges of War, Terrorism, and Civil Disorder*. Langham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007. 362 p.
11. Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. 336 p.
12. *Geopolitics of Energy and Energy Security*, ed. by C.P. Fernandes, T.F. Rodrigues. Lisbon: Instituto da Defesa Nacional, 2017. 148 p.
13. Giuli M. *Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper) // European policy center*, 2018. 25 June. 26 p.
14. Goldthau A. *Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London: EUCERS, 2016. 39 p.
15. Gustafson T. *Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Cambridge: Belknap Press, 2012. 672 p.
16. Pascual C. *The New Geopolitics of Energy // Center on Global Energy Policy at Columbia University*, 2015. September. 33 p.
17. Pee R. *Democracy Promotion, National Security and Strategy: Foreign Policy under the Reagan Administration*. NY: Routledge, 2015. 229 p.
18. *Russland will Deutschland destabilisieren // Internationale Politik*. 2019. März-April. S. 26-29.
19. Service R. *The End of the Cold War: 1985-1991*. NY: Public Affairs, 2015. 688 p.
20. Silverstone P.H. *The Export Control Act of 1949: Extraterritorial Enforcement // University of Pennsylvania Law Review*, 1959. Vol. 107, pp. 331–362.
21. Sixsmith M. *Putin's Oil: The Yukos Affair and the Struggle for Russia*. NY: Bloomsbury Academic, 2010. 320 p.

Об авторе:

Юрий Викторович Боровский – к.ист.н., доцент кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России. Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.
E-mail: yuribor@mail.ru.

The Soviet and Russian Energy Industry as Objects of Western Sanctions: Political Rivalry or Economic Competition

Y.V. Borovsky
DOI 10.24833/2071-8160-2019-3-66-42-60

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

Abstract: Since the late 1940s Western countries have regularly used sanctions, embargoes and other similar instruments to counter the development of the Soviet and, after 1991, the Russian energy industry. The author tries to answer two research questions: what provokes such a policy of the West: political rivalry or economic competition? Has the West changed its attitude to the Russian energy industry after the end of the Cold war? The first part of the study covers the years of the Cold war; the second part is devoted to the period following the collapse of the USSR. The article deals with generic approaches of Western countries to the Soviet and Russian energy industry, as well as their stances on major oil and gas pipelines, including the «Druzhba» (or the «Friendship») oil pipeline, the Soyuz gas pipeline, The «Urengoy – Pomary – Uzhhorod» (or the West-Siberian) gas pipeline, the Nord Stream 1,2 gas pipelines.

The author came to the following conclusions. The main inspirer of sanctions and other restrictive measures of the West against the Soviet and Russian energy industry has always been the United States of America. The core motive of such behavior has been political rivalry, although in certain periods (for example, in the 1950s-1960s, 2010-ies) the United States may also be driven by economic competition or the desire to ensure the interests of its energy companies.

Western European countries have often been in solidarity with the American actions against the Soviet or Russian energy complex. However, when their strategic interests are affected (for example, in case of construction of the Urengoy – Pomary – Uzhgorod and Nord stream 2 gas pipelines), they can resist the dictates of Washington. This is due both to pressure from Western European business interested in cooperation with the USSR or Russia in the energy field, and a strong desire of Western European countries to diversify oil and gas supplies from the Middle East and to solve some other energy problems, for instance, to mitigate transit risks associated with Ukraine.

Overall, the end of the Cold war has not radically changed the policy of the West towards the Russian energy industry.

Key words: energy policy, oil, gas, sanctions, USSR, Russia, USA, EU, Germany, Nord Stream, Ukraine.

References

1. Brzeziński Z. Velikaya shakhmatnaya doska [The Grand Chessboard]. Moscow, AST, 2018. 384 p. (In Russian).
2. Borovsky Y. Mezhdunarodnoe soper-nichestvo: teoreticheskie i lingvisticheskie aspekty [International Rivalry: Theo-retical and Linguistic Aspects]. *Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, no.3, pp. 65 – 72. (In Russian).
3. Borovsky Y. Tsenovye voyny na mirovom rynke nefi [Price wars in global oil markets]. *Mezhdunarodnye protsessy – Inter-*

- nationals trends*, 2017, vol. 48, no. 1, pp. 176–185 (In Russian).
4. Yergin D. *Dobycha. Vsemyrnaya istoria borby za neft, dengi i vlast* [The Prize: The Epic Quest for Oil, Money and Power]. Moscow, Alpina Publisher, 2018. 956 p. (In Russian).
 5. Sakwa R. Syrievoi sector Rossii: ekonomika kontrolya i politika renty [Russia's Commodities: Economics of Control and Politics of Rent]. *Neprikosnovenny zapas*, 2010, vol. 74, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/sa9-pr.html> (accessed 12.06.2019).
 6. Sidorova E. Energetika Rossii pod sanktsiimi Zapada [The Russian energy industry under western sanctions]. *Internationals trends*, 2016, vol. 44, no. 1, pp. 143–155
 7. Adelman M. *Genie out of the Bottle: World Oil since 1970*. Cambridge, MIT Press, 2008. 376 p.
 8. Bradshaw M. The Kremlin, National Champions and the International Oil Companies: The Political Economy of the Russian Oil and Gas Industry. *Geopolitics of Energy*, 2009, vol. 31, no. 5, pp. 2–14.
 9. Bremmer I., Johnston R. The Rise and Fall of Resource Nationalism. *Survival: Global Politics and Strategy*, 2009, vol. 51, no. 2, pp. 149–158. <https://doi.org/10.1080/00396330902860884>
 10. Cooper P.J., Vargas C.M. *Sustainable Development in Crisis Conditions: Challenges of War, Terrorism, and Civil Disorder*. Langham, Rowman & Littlefield Publishers, 2007. 362 p.
 11. Diehl P., Goertz G. *War and Peace in International Rivalry*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2001. 336 p.
 12. *Geopolitics of Energy and Energy Security*, ed. by C.P. Fernandes, T.F. Rodrigues. Lisbon, Instituto da Defesa Nacional, 2017. 148 p.
 13. Giuli M. *Nord Stream 2: Rule no more, but still divide (Issue paper)*. European policy center, 2018, 25 June. 26 p. URL: https://www.epc.eu/documents/uploads/pub_8613_nordstream2.pdf?doc_id=2010 (accessed 12.06.2019).
 14. Goldthau A. *Assessing Nord Stream 2: regulation, geopolitics & energy security in the EU, Central Eastern Europe & the UK*. London, EUCERS, 2016. 39 p.
 15. Gustafson T. *Wheel of Fortune: The Battle for Oil and Power in Russia*. Cambridge, Belknap Press, 2012. 672 p.
 16. Pascual C. *The New Geopolitics of Energy*. Center on Global Energy Policy at Columbia University, 2015, September. 33 p.
 17. Pee R. *Democracy Promotion, National Security and Strategy: Foreign Policy under the Reagan Administration*. NY, Routledge, 2015. 229 p.
 18. Russland will Deutschland destabilisieren. *Internationale Politik*, 2019, März-April, s. 26–29 (In German).
 19. Service R. *The End of the Cold War: 1985–1991*. NY, Public Affairs, 2015. 688 p.
 20. Silverstone P.H. The Export Control Act of 1949: Extraterritorial Enforcement. *University of Pennsylvania Law Review*, 1959, vol. 107, pp. 331–362. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=7036&context=penn-law_review (accessed 12.06.2019)
 21. Sixsmith M. *Putin's Oil: The Yukos Affair and the Struggle for Russia*. NY, Bloomsbury Academic, 2010. 320 p.

About the author:

Yury V. Borovsky – PhD. Hist. Sci., associate professor at the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO–University. 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454. E-mail: yuribor@mail.ru.